

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЭМИЛЬ ЗОЛА

1840-1902

Эмиль Золя

Западня

ФТМ

Москва, 2019

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
3-81

*Перевод с французского
Елизаветы Шишмаревой и Ольги Моисеенко*

Золя, Э.

3-81 Западня / Э. Золя; [пер. с фр. Е. Шишмарева, О. Моисеенко]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 578 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74496-1

Роман «Западня» – седьмой том цикла о Ругон-Маккарах французского писателя Эмиля Золя, положивший начало его писательской славе. Как говорил автор: «Западня, несомненно, самая нравственная из моих книг», – в которой быт, язык, невежество и искаленное тяжким трудом существование обитателей городских предместий предстают изображением жизненной правды, стоящей за нищетой, из которой, как из западни, невозможно выбраться.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74496-1

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Е. Шишмарева, наследники, 2019
© Перевод. О. Моисеенко, наследники, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Ругон-Маккары» должны составить около двадцати романов. Общий план я разработал еще в 1869 году и следую ему неуклонно. «Западня» появилась в установленный мною срок; я написал ее, как напишу и остальные тома, ни на волос не отклоняясь от намеченной линии. В этом моя сила. У меня есть цель, и я к ней иду.

Когда «Западня» была напечатана в газете, на нее напали с неслыханной грубостью, ее поносили, обвиняли во всех смертных грехах. Стоит ли объяснять здесь, в нескольких словах, мой литературный замысел? Я хотел показать неизбежное вырождение рабочей семьи, живущей в отравленной среде наших предместий. Пьянство и безделье ведут к распаду семьи, к грязному распутству, к постепенному забвению всех человеческих чувств, а в конце концов — к позору и смерти. Это просто мораль, воплощенная в жизни.

«Западня», несомненно, самая нравственная из моих книг. Мне уже не раз приходилось касаться куда более отталкивающих язв. Но всех ужаснул стиль этой книги: возмущение вызвал только язык. Преступление мое состояло в том, что из профессионального интереса я собрал и отлил в тщательно продуманной форме язык народа. Итак, форма этой книги — вот в чем мое главное

преступление! Однако существуют же словари народного языка, который изучают лингвисты, наслаждаясь его сочностью, самобытностью и яркой образностью. Для пытливых исследователей это сущий клад. И все же никто не понял, что я задался целью проделать чисто филологическую работу, которую считаю чрезвычайно интересной и с исторической и с социальной точки зрения.

Но я не собираюсь защищаться. Мое произведение сделает это за меня. Это произведение — сама правда, это первый роман о пародии, в котором нет лжи и от которого пахнет народом. Из него не следует, однако, заключать, что весь народ плох: ведь мои персонажи вовсе не плохие люди, они только невежественны, искалечены тяжким трудом и нищетой — средой, в которой живут. Все дело в том, что мои романы следует сначала прочесть, понять и ясно представить себе их единство, а не выносить заранее нелепых и зlostных суждений, какие распространяют обо мне и о моих книгах. Если бы люди знали, как смеются мои друзья над чудовищными небылицами, которые рассказывают обо мне на потеху толпе! Если б они знали, что свирепый романист, страшный кровопийца на самом деле просто добропорядочный буржуа, человек науки и искусства, что он скромно живет в своем углу и его единственное желание — оставить такую широкую и правдивую картину жизни, какую он только в силах создать! Я не опровергаю глупых басен, я работаю и полагаюсь на время и на справедливое суждение публики, которая в конце концов увидит мое истинное лицо, отбросив груды нелепейших выдумок.

Эмиль Золя

Париж, 1 января 1877 года

I

Жервеза прождала Лантье до двух часов ночи. Озябнув в легкой кофточке у открытого окна, истомленная, вся в слезах, она бросилась ничком поперек кровати и забылась тревожным сном. Вот уже неделю, выходя из «Двухголового теленка», где они обедали, Лантье сразу отсылал ее с детьми спать, а сам где-то шатался до поздней ночи, уверяя, будто бегают в поисках работы. Сегодня вечером, когда Жервеза подстерегала его у окна, ей показалось, что он вошел в танцевальный зал «Большая галерея», все десять окон которого ярко пылали, освещая, словно пожаром, темный людской поток, струившийся по внешним бульварам; а позади Лантье она заметила маленькую полировщицу Адель, обедавшую с ними в одном ресторане; она шла в пяти-шести шагах от Лантье, неловко свесив руки, как будто только сейчас держала его под руку, а теперь отпустила, чтобы не проходить вместе с ним под яркими фонарями у входа.

Жервеза проснулась около пяти утра совсем разбитая, закоченевшая и горько разрыдалась. Лантье все еще не вернулся. Впервые он не ночевал дома. Она села на краешек кровати, под обрывком полинялого ситцевого полога, свисавшего с планки, прикрепленной к потолку бечевкой. Затуманенными от слез глазами она медленно обвела убогую меблированную комнату: ореховый комод с дырой вместо ящика, три соломенных стула и маленький засаленный столик с забытым на нем щербатым кувшином. Для детей сюда вдвинули железную кровать, она загораживала комод и занимала две трети комнаты. Раскрытый сундук Жервезы и Лантье, засунутый в угол,

выставлял напоказ свое пустое чрево; на дне его, под грязными сорочками и носками, валялась старая мужская шляпа. На стульях, стоявших вдоль стены, висели дырявая шаль и заляпанные грязью брюки — последние обноски, не соблазнившие даже старьевщика. На камине между двумя непарными цинковыми подсвечниками лежала пачка нежно-розовых квитанций из ломбарда. Жервеза и Лантье занимали лучшую комнату в доме: во втором этаже, окнами на бульвар.

Дети мирно спали рядом, на одной подушке. Восемилетний Клод ровно дышал, раскинув руки, а четырехлетний Этьен улыбался во сне, обхватив ручонкой брата за шею. Когда заплаканные глаза матери остановились на детях, она снова разрыдалась, прижимая к губам платок, чтобы заглушить громкие всхлипывания. Затем она вскочила босиком, позабыв о свалившихся с ног стоптанных туфлях, села у окна и снова принялась ждать, не спуская глаз с уходящей вдаль улицы.

Гостиница помещалась на бульваре Ля Шапель, налево от заставы Пуассоньер, в ветхом трехэтажном доме, до половины окрашенном в красно-бурый цвет, с прогнившими от дождя ставнями. Над фонарем с растрескавшимися стеклами, между двух окон, с трудом можно было прочесть надпись: «Гостиница *Добро пожаловать*, владелец Марсулье», выведенную большими желтыми буквами на облупившейся от сырости стене. Фонарь мешал Жервезе, и она вытягивала шею, прижимая платок к губам. Она смотрела направо, в сторону бульвара Роллешуар, где перед бойней толпились мясники в окровавленных передниках; порой свежий ветер обдавал ее зловонием, тошнотворным запахом битой скотины. Она

смотрела налево, вглядываясь в протянувшуюся длинной лентой улицу, которая доходила до ее дома и тут заканчивалась бесформенным белым зданием — недостроенной больницей Ларибуазьер. Медленно обводила она взглядом городскую стену, за которой по ночам слышались крики и мольбы о помощи. Она упорно всматривалась во все укромные уголки, в темные от сырости, загаженные закоулки, боясь увидеть там тело Лантье со вспоротым животом. Перед ее глазами тянулась нескончаемая стена, окружавшая город унылой серой полосой, а над ней она видела в небе яркий отсвет, наполнявший воздух солнечной пылью, и слышала гул пробуждавшегося Парижа. Но Жервеза все возвращалась взглядом к заставе Пуассоньер и, вытянув шею, следила за непрерывным потоком людей, лошадей и повозок, который стекал с холмов Монмартра и Ля Шапель и вливался в город между двумя приземистыми таможенными башнями. Оттуда доносился словно топот идущего стада, и стоило толпе остановиться, как она тут же растекалась во все стороны, точно лужа на мостовой; бесконечной вереницей тянулись рабочие с инструментом за спиной и с хлебом под мышкой; и вся эта лавина растворялась, тоннула в поглощавшем ее Париже. Порой Жервезе казалось, что она видит в этой сутолоке Лантье, и она еще больше высовывалась из окна, рискуя свалиться вниз; а потом крепче прижимала к губам платок, как будто хотела поглубже загнать свою боль.

За спиной ее послышался веселый молодой голос:

— Что это, госпожа Лантье, хозяина нет дома?

— Как видите, господин Купо, — ответила она, оторвавшись от окна и сию минуту улыbnуться.

Купо, рабочий-кровельщик, снимал в том же доме на самом верху комнатуху за десять франков. Он нес за спиной свой мешок. Увидев, что ключ торчит в двери, он зашел по-приятельски, не постучав.

— Знаете, — продолжал он, — ведь я теперь работаю здесь рядом, в больнице. А май-то как нынче хорош! Но с утра довольно свежо.

Он поглядел на покрасневшее от слез лицо Жервезы. Заметив нетронутую постель, он тихонько покачал головой; затем подошел к кровати, на которой спокойно спали дети, розовые, как ангелочки, и сказал, понизив голос:

— Полно! Вы думаете, хозяин загулял?.. Не тужите, госпожа Лантье. Ведь он вечно занят политикой. Давеча, когда голосовали за Эжена Сю, парня вроде бы и не плохого, он бродил как помешанный. И нынче, может, просидел всю ночь со своими дружками, ругая стервеца Бонапарта.

— Нет, нет, — прошептала Жервеза с усилием, — тут совсем не то, что вы думаете... Я знаю, где он... Ах, господи, у всякого свое горе!..

Купо подмигнул ей, как бы говоря, что его не проведешь такой выдумкой. Уходя, он предложил сбегать за молоком, если ей не хочется идти самой; она хорошая, славная женщина, сказал он, и, если попадет в беду, может рассчитывать на него. Как только он вышел, Жервеза снова села у окна.

У заставы слышался все тот же топот людского стада, он гулко отдавался в холодном утреннем воздухе. В толпе сразу можно было узнать слесарей по синим рабочим блузам, каменщиков по белым холщовым штанам, маляров по длинным халатам, которые виднелись из-под